Научная статья

УДК 347.451.031

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-606-615

Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами?

Антон Сергеевич Морозов

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, top@bezfire.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос о том, является ли потребительский экстремизм (терроризм) самостоятельным правовым феноменом или специфическим видом злоупотребления правами. Определена этимология, дана краткая характеристика сущности понятий «экстремизм» и «терроризм». Показано соотношение анализируемых понятий и проблем защиты прав потребителя. Утверждается, что в публицистике и научных исследованиях понятия «потребительский экстремизм» и «потребительский терроризм» используют не во взаимной связи, а как синонимичные. Проанализировано понятие «злоупотребление правами» в соотношении с принципами добросовестности, разумности и справедливости. Выявлено два подхода к пониманию содержания понятия «потребительский экстремизм (терроризм)»: в узком смысле оно совпадает с понятием «злоупотребление правом», в широком — объединяет случаи злоупотребления правами и случаи противоправного поведения. Исходя из узкого подхода, потребительский экстремизм (терроризм) — это вид злоупотребления правами, а из широкого — самостоятельный правовой феномен. Автором сделан вывод о том, что в публицистике для привлечения внимания к проблеме чрезмерного и необоснованного осуществления потребителями субъективного права термин «потребительский экстремизм (терроризм)» имеет право на существование, но как правовое понятие этот термин чрезмерно политизирован и не конкретизирован.

Ключевые слова: защита прав потребителя, потребительский экстремизм, потребительский терроризм, злоупотребление правом, добросовестность

Для цитирования: Морозов А. С. Потребительский экстремизм (терроризм): самостоятельный правовой феномен или вид злоупотребления правами? // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. С. 606–615. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-606-615>

Original article

Consumer extremism (terrorism): Is it an independent legal phenomenon or a type of abuse of rights?

Anton S. Morozov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, top@bezfire.ru

Abstract. This paper is devoted to the search for an answer to the question whether consumer extremism (terrorism) is an independent legal phenomenon or a specific type of abuse of rights. The etymology is defined and a brief description of the essence of the concepts of “extremism” and “terrorism” is given. It is analyzed how these concepts relate

© Морозов А. С., 2023

to the protection of consumer rights. It is noted that in journalism and scientific research, the concepts of “consumer extremism” and “consumer terrorism” are used not in mutual connection, but as synonymous terms. The concept of “abuse of rights” is analyzed in relation to the principles of good faith, reasonableness and fairness. Two approaches to understanding the content of the concept of “consumer extremism (terrorism)” have been identified: in a narrow sense, it coincides with the concept of “abuse of rights”, in a broad sense it combines cases of abuse of rights and cases of illegal behavior. Based on a narrow approach, consumer extremism (terrorism) is a type of abuse of rights, and from a broad one it is an independent legal phenomenon. The author concludes that in journalism, in order to draw attention to the problem of excessive and unjustified exercise of subjective rights by consumers, the term “consumer extremism (terrorism)” has the right to exist, but as a legal concept it is overly politicized and not specified.

Keywords: consumer protection, consumer extremism, consumer terrorism, abuse of law, good faith

For citation: Morozov A.S. Consumer extremism (terrorism): Is it an independent legal phenomenon or a type of abuse of rights? *Sociology and Law. 2023;15(4):606-615* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-606-615>

Введение

В правовых системах государств с развитой свободной рыночной экономикой защита прав потребителей служит одной из приоритетных задач. Законодательство в данной сфере предназначено для обеспечения прав потребителей, справедливой торговли, конкуренции и предоставления точной информации на рынке, а также для пресечения недобросовестных действий предприятий, в том числе и с целью получения преимуществ перед конкурентами или потребителями определенного продукта или товара.

В последние несколько лет исследователи все чаще указывают на злоупотребления потребителями своими правами. Данное явление в научной литературе и средствах массовой информации (СМИ) получило название «потребительский экстремизм» [1; 2] или «потребительский терроризм» [3].

С тревогой ассоциации застройщиков (Российский союз строителей) [4; 5] и автоконцерны (ассоциация «Российские автомобильные дилеры») [6, с. 42] говорят о том, что причинение вреда застройщикам, автопроизводителям, импортерам и девелоперам под прикрытием исков о защите прав потребителей приобретает все более масштабный характер. С 2015 г. в Государственную Думу Российской Федерации (РФ) неоднократно внесены законопроекты, направленные на борьбу с «потребительским экстремизмом»:

- 1) в 2015 г. депутат М. М. Аббасов предложил ввести в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о защите прав потребителей) дефиницию «злоупотребление правами» потребителей и при наличии факта такого злоупотребления обязать суд отказывать потребителю в защите соответствующего права полностью или частично [7];
- 2) в 2018 г. депутат В. К. Гартунг выступил с законодательной инициативой об исключении правоотношений между гражданами и застройщиками в сфере долевого участия в строительстве из сферы регулирования Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», мотивировав отсутствием равенства положений застройщика и участников строительства с преобладанием прав последних, особенно в аспекте возможности взыскания штрафа в размере 50 % от присужденной в пользу потребителя суммы (ст. 13 Закона о защите прав потребителей) [8];

- 3) в 2019 г. член Совета Федерации С. Ф. Лисовский внес законопроект о противодействии потребительскому экстремизму в жилищном строительстве, в частности случаям недобросовестного поведения юридических компаний, которые выкупают права требования у потребителей и своими действиями затрудняют деятельность застройщиков [9];
- 4) в 2020 г. Государственным Собранием — Курултай Республики Башкортостан внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект относительно изменения принципов приемки объектов долевого строительства и начисления неустойки: предложено «заморозить» начисление неустойки за просрочку в передаче квартиры с даты, когда дольщик отказался подписывать акт приемки из-за недостатков, начислять неустойку не на цену квартиры, а на стоимость дефектов [10];
- 5) летом 2023 г. в СМИ обсуждали работу Минстроя России над законопроектом против «потребительского терроризма» в отношении застройщиков при сдаче жилья в новостройках, который было запланировано осенью 2023 г. внести в Государственную Думу РФ [11].

Вместе с тем на официальном сайте Объединения потребителей России опубликовано заявление. В нем речь идет о том, что использование термина «потребительский экстремизм» является неправомерным и недопустимым, поскольку такого явления не существует, а подобная риторика служит для прикрытия грубых и системных нарушений прав потребителей со стороны недобросовестных участников рынка и чиновников, их покрывающих [12].

Таким образом, наблюдается разный подход к пониманию явления «потребительский экстремизм (терроризм)» различными социальными группами, по-разному оценивают необходимость борьбы с этим явлением. В рамках настоящей статьи попытаемся определить, является ли «потребительский экстремизм (терроризм)» новым правовым феноменом или видом злоупотребления правами потребителя, а также можно ли считать корректным использование этого термина в юридической теории и практике.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили контент-анализ СМИ, законопроектов и судебных решений, а также сравнительно-правовой метод исследования (метод юридической компаративистики).

Итоги

Исследование такого неоднозначного социально-правового явления, как потребительский экстремизм (терроризм), полагаем, необходимо начать с установления этимологии и определения сущности понятий «экстремизм» и «терроризм». Далее проанализируем, каким образом они соотносятся с проблемами защиты прав потребителя.

Термин «экстремизм» происходит от латинского *extremus*, то есть «крайность». Соответственно, *extremus* означает «крайний», «радикальный». Он стал широко распространенным в политико-правовом дискурсе для описания взглядов и действий организаций, отдельных лиц или групп, которые используют насилие или угрозу его применения с целью осуществления контроля над другими людьми посредством страха и тем самым навязывания определенного идеологического контекста [13, с. 220–221]. Методы деятельности, описываемой в качестве «экстремистской», ущемляют или ставят под угрозу жизнь, свободу и права

других лиц, независимо от позитивности и законности преследуемой цели. Например, защиту прав потребителя большинство граждан среди населения, экспертов и ученых рассматривают как один из важнейших инструментов социальной рыночной экономики, от правильного функционирования которой зависит развитие конкурентного бизнес-процесса, материальное и моральное благополучие людей, то есть позиционируется в обществе как достойная цель. Однако любого, кто преследует эту цель, используя недопустимые методы, способы, средства, и отличится нежеланием пойти на компромисс, фактически можно назвать экстремистом.

Термин «терроризм» происходит от латинского слова *terror*, что означает «страх» или «ужас». Речь идет не о насильственном акте, который часто рассматривают в качестве основной характеристики терроризма, а о его психологическом воздействии. Не особая жестокость, а интенсивный ужас составляет основу содержания. Действительно, более поздние соображения об использовании терроризма в качестве коммуникационной стратегии показывают, насколько важен этот аспект для понимания особенностей терроризма по сравнению с другими формами мотивированного применения насилия [14]. Это относится ко всем формам насилия, систематически осуществляемым негосударственными субъектами с целью психологического воздействия на население, которые игнорируют целесообразность, последствия и соразмерность используемых средств. В научной литературе терроризм называют наиболее опасной формой экстремизма [15]. Однако в публицистике и научных исследованиях понятия «потребительский экстремизм» и «потребительский терроризм» используют не во взаимной связи «общее явление / его крайняя форма», а как синонимы.

В академической литературе относительно содержания понятия «потребительский экстремизм (терроризм)» консенсуса не достигнуто. Ряд исследователей пишут о том, что, хотя данные словосочетания, учитывая этимологию слов «экстремизм» и «терроризм», несколько некорректно употреблять в контексте действий лиц, пытающихся заработать на потребительских предпочтениях, они в настоящее время широко используются в практике, им соответствует законодательно закрепленное понятие «злоупотребление правом» (п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса (ГК) РФ), то есть осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [1; 2, с. 110–111].

Т. В. Закупень, напротив, использует при описании сути анализируемого явления широкий подход. Помимо действий, подпадающих под понятие «злоупотребление правом», включает в исследуемое явление «умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью обращения в свою пользу имущества предпринимателей путем обмана или злоупотребления особым отношением к потребителям» [2, с. 110]. Изложенный подход видится некорректным: манипулирование предоставленными правами входит в сферу гражданского права, а «умышленные противоправные деяния» — это преступление или правонарушение, относящееся к сфере публичных отраслей (уголовного или административно-деликтного права), в которых экстремизм имеет вполне определенное описание, не совпадающее с таковым в контексте потребительского права. Считаю некорректным в рамках одного понятия объединять случаи злоупотребления правами (потребитель остался в пределах своих прав) и случаи противоправного поведения (потребитель вышел за пределы своего права). Иными словами, злоупотребление правами существует и на него можно ссылаться лишь в случае, если право признано. Речь идет о злоупотреблении правами потребителя, по-

сколькx эти права существуют и признаны. Не может быть злоупотребления правом в вопросах, к примеру, мошенничества, поскольку мошенничество — это не право, а его нарушение.

Относительно соотношения понятий «злоупотребление правом» и «потребительский экстремизм (терроризм)» укажем следующее. Во-первых, мы не можем говорить о злоупотреблении объективным правом. Тем не менее злоупотребление субъективными правами представляется возможным. Право на защиту — одно из субъективных прав. Защита в общем смысле трактуется как гарантия безопасности от чего-либо кому-либо или ряд действий, мероприятий по осуществлению этой гарантии. Защита прав потребителя осуществляется потребителем по общим правилам и с применением общих способов, предусмотренных материальным и процессуальным гражданским законодательством, а также посредством применения специальных мер, закрепленных или санкционированных Законом о защите прав потребителей. Этот закон стимулирует использование неюрисдикционных форм защиты прав потребителей в виде претензионного порядка. Суть последнего заключается в возможности сторон самостоятельно, без обращения или до обращения в суд восстановить нарушенные права либо урегулировать возникшие разногласия. Фактически претензионный порядок состоит в том, что сторона, которая считает, что ее права нарушены, обращается к другой стороне со специальным письмом — претензией. Предъявитель претензии объясняет свою позицию и предлагает другой стороне варианты разрешения конфликта.

Штраф за отсутствие удовлетворения требований потребителя в добровольном порядке (в размере 50 % от суммы присужденной судом) — это специфический вид публично-правовой ответственности, совмещающий в себе карательную и компенсационную функцию. Компенсационная функция в данном случае сближает штраф с неустойкой. Отграничение штрафа от неустойки состоит в следующем: исключительно судебный порядок наложения; обязательное условие для наложения штрафа — это неудовлетворение требований потребителя (в том числе и по уплате неустойки) в добровольном порядке; невозможность снижения размера штрафа по судебному усмотрению. Полагаем, возможность защиты прав в виде наложения указанного штрафа имеет ряд позитивных последствий: стимул разрешить конфликты в досудебном порядке (недобросовестному продавцу при определенном уровне активности потребителей выгоднее решить дело в досудебном порядке, не тратить собственное время и время потребителя на участие в судебном процессе), снижение нагрузки на суды, повышение качества товаров, работ и услуг; возможность для граждан безвозмездно получить юридическую помощь от общественных объединений и органов местного самоуправления, поскольку половина штрафа будет взыскана в их пользу. Данная мера направлена исключительно на субъектов, недобросовестное поведение которых установлено судом, и в целом соразмерна ущербу, нанесенному потребителю, времени, затраченному на судебное разбирательство, а главное — стимулирует продавца на добросовестное поведение, при котором ему не нужно будет платить штрафы.

Вместе с тем этот штрафной механизм становится одной из лазеек для злоупотреблений правом потребителей [1, с. 45]. В СМИ указано, что в строительной отрасли дольщики манипулируют правами потребителя, «подводя» застройщиков не только к выплате существенных неустоек, но и используют штрафные механизмы для запугивания и причинения вреда застройщику [5]. На аналогичные проблемы указывают и автодилеры. Действительно, в таком контексте психологического насилия можно говорить о «потребительском экстремизме (терроризме)».

Во-вторых, концепция «злоупотребления правом» выступает составной частью таких принципов гражданского права, как добросовестность, справедливость

и разумность. Формально принцип добросовестности закреплен в законодательстве в 2013 г. В частности, Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ в статью 1 ГК РФ внесены изменения, предусматривающие введение данного принципа. Этимологически слово «добросовестность» предполагает честное ведение дел, надлежащее исполнение. Добросовестность — понятие многоплановое, сложная категория, находящаяся на стыке морали и права. Раскрывая моральный аспект «доброй совести», юриспруденция, исходя из позиций материализма в научной полемике, не может ссылаться на божественный высочайший ориентир нравственности и вынуждена задавать ориентир на доступную ей высоту — нравственные критерии общества. Однако нравы изменчивы, порой они слабеют. И позитивное право, и судьи вместе с ним оказываются бессильными перед снижением общественной нравственности. Всемирная Декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., в ст. 1 устанавливает, что «люди ...наделены разумом и *совестью* и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Из указанного акта следует, что совесть — неотъемлемая составляющая каждого человека, которая признана каждым государством в своей, в том числе правотворческой, деятельности в интересах граждан этого государства. Понятий содержания совести существует множество, но их объединяет то, что концепция совести коррелирует с десятью заповедями, смысл которых примерно одинаково определен в мировых религиях. Однако моральную трактовку совести сложно увязать с договорными и обязательственными экономическими отношениями, базирующимися на конкурентности, желании получения сверхприбыли и т. п.

Проблемы понимания категории «добросовестность» не исчерпываются моральными аспектами, в правовой доктрине феномен добросовестности вызывает множество вопросов. Критериев, которыми могут руководствоваться субъекты правоприменения при конкретизации оценочного понятия «добросовестность», законодатель не определил. Добросовестность предполагает защиту по причинам морального или социального характера и становится упорядочивающим критерием правоотношений, приводящим их в соответствие с правилами поведения, социально считающимися достойными уважения. К примеру, дольщик не принимает объект долевого строительства по формальному поводу, способствуя тем самым увеличению срока передачи объекта и, как следствие, увеличению размера неустойки. По закону, дольщик может в такой ситуации не принять квартиру, но, согласно доброй совести, нет у него такого права.

Принцип добросовестности не должен быть противопоставлен принципу справедливости или рассматриваться как обособленный (хотя, возможно, и близкий по содержанию). В Принципах международных коммерческих договоров (УНИДРУА) 1994 г. речь идет об обязанности сторон договора действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой. Приведенная формулировка принципа добросовестности не объединяет его напрямую со справедливостью, но заметно расширяет правовые границы принципа добросовестности за счет «честности», такой же морально-этической категории, как справедливость. Следовательно, принцип добросовестности целесообразно понимать не как формально-юридическую категорию, а скорее, как некую пограничную область между правом и моралью, позволяющую учитывать в оценке ситуации различные факторы. Это, на наш взгляд, не дает оснований противопоставлять принципы добросовестности и справедливости, хотя в их содержании можно найти немало различий.

Разумность — понятие, известное и философам, и юристам. Разумное апеллирует к человеческому разуму, как и родственное ему понятие «рациональное».

Разумность в гражданском праве оценивают исходя из того, что обычно происходит в аналогичных обстоятельствах, и того, что можно ожидать от заинтересованного лица в контексте и обстоятельствах дела.

К примеру, суд указал, что в действиях истца Б. не наблюдается добросовестности и разумности, что служит признаками злоупотребления правами потребителя. Так, при приеме спорного автомобиля истец, увидев недостатки (повреждения) на нем, не отказался от исполнения договора купли-продажи, не потребовал уменьшения покупной цены автомобиля, отказался от предложенной ответчиком замены транспортного средства и возврата денежной суммы, уплаченной за него, настаивал на передаче ему именно этого, а не иного автомобиля, то есть действовал впоследствии с намерением извлечения прибыли. Доказательств создания ответчиком препятствий истцу в осуществлении им прав потребителя стороной истца не представлено [16].

Дополним, что, во-первых, в судебной практике квалификацию действий потребителей как злоупотребление правом пока не считают широко распространенным явлением; во-вторых, истцы и ответчики активно используют термин «потребительский экстремизм (терроризм)», однако суды его не комментируют, оперируя исключительно понятиями «злоупотребление правом», «добросовестность» и «разумность». Можно ли рассматривать феномен «потребительский экстремизм (терроризм)» в контексте гражданско-правовых принципов добросовестности, справедливости и разумности? С одной стороны, действия «потребителя-экстремиста» можно расценивать как нарушение указанных принципов, с другой — данный термин, полагаем, носит, скорее, политический характер, чем гражданско-правовой. Цель экстремизма и терроризма — посредством насилия (физического или психологического), игнорируя компромиссы, целесообразность, последствия и соразмерность используемых средств, навязать определенное поведение кругу лиц.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что «потребительский экстремизм» как правовой феномен формируется в основном за счет активной риторики крупных продавцов (застройщиков, автодилеров и т. п.) в СМИ, направленной на лоббирование изменений отраслевого законодательства и Закона о защите прав потребителей в аспекте снижения уровня защиты, обеспечиваемого в соответствии с законом потребителю. Однако до настоящего времени ни один из законопроектов против так называемого потребительского экстремизма не принят.

В академической литературе подход к явлению «потребительский экстремизм (терроризм)» характеризуется как более осторожный: наблюдается отсутствие легального определения и научного признания [1, с. 45; 2, с. 111], но признана общеупотребительность термина. Полагаем, как публицистический термин для привлечения внимания к проблеме чрезмерного и необоснованного осуществления потребителями субъективного права на защиту он имеет право на существование, но как юридическое понятие — чрезмерно политизирован и не конкретизирован. В узком смысле содержание понятия «потребительский экстремизм (терроризм)» совпадает с легально определенным и устоявшимся понятием «злоупотребление правами»; в широком — объединяет случаи злоупотребления правами (потребитель остался в пределах своих прав) и случаи противоправного поведения (потребитель вышел за пределы своего права), представляя собой самостоятельный межотраслевой правовой феномен. Можно рассматривать явление «потребительский экстремизм (терроризм)» как специфический вид злоупотребления правами, если в качестве критерия классификации использовать отраслевой признак.

Проблема борьбы со злоупотреблением «потребительскими правами» — это вопрос баланса интересов сторон. С одной стороны, необходимо предотвратить уход от ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств предпринимателем, которого зачастую не устраивает факт того, что за несоблюдение закона и требований потребителей он может в значительной мере пострадать финансово. С другой — противодействовать злоупотреблениям потребителя, который не принимает товар из-за придуманного им недостатка, отказывается принять сделанный под заказ товар как не подходящий по размеру, намеренно уклоняется от передачи изготовителю товара с недостатком для проведения проверки и от предоставления банковских реквизитов для добровольного удовлетворения требований в случае, если после проведения проверки был бы выявлен недостаток товара и т. д.

Решение этой задачи представляется возможным в двух направлениях: первое — динамичная корректировка законодательства без существенного снижения уровня гарантий потребителя (в том числе расширение возможностей судейского усмотрения по определению размера штрафов, неустоек и т. п.); второе — нацеливание судей на эффективное использование предоставленного законодателем инструментария для соблюдения баланса сторон в спорах о защите прав потребителя.

Список источников

1. *Поснов И. В., Темботов Р. А.* Злоупотребление потребителем правами на защиту (потребительский экстремизм) // *Образование и право.* 2022. № 9. С. 44–48. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-44-48
2. *Усольцев Е. Ю.* Понятия «потребительский экстремизм» и «злоупотребление потребителем правом»: сравнительный анализ // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2021. № 12. С. 108–112. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-12-108-112
3. *Буторина И. А., Перестюк Д. А.* Потребительский терроризм в России: суть, причины и перспективы // *Маркетинг и поведение потребителей: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Полякова.* Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2011. С. 35–38.
4. В РСС обсудили причины и следствия «потребительского экстремизма» // *Саморегулирование.* 2023. 31 октября. URL: <https://sroportal.ru/news/v-rss-obsudili-prichiny-i-sledstviya-potrebitelskogo-ekstremizma/> (дата обращения: 12.11.2023).
5. *Велесевич С.* Потребительский экстремизм в новостройках: как найти баланс интересов // *РБК.* 2020. 27 ноября. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fc0bfd89a794726ecbf1b69?from=soru> (дата обращения: 12.11.2023).
6. *Малахов А. Ю., Вульман Н. Н.* Потребительский экстремизм в автомобильном бизнесе и что такое существенный недостаток автомобиля // *Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли.* 2023. № 2. С. 35–47.
7. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 793716-6 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 15 мая 2015 г., отклонен 18 января 2017 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/793716-6> (дата обращения: 12.11.2023).
8. О внесении изменений в статью 1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: законопроект № 612474-7 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 20 декабря 2018 г., отклонен 22 марта 2023 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612474-7> (дата обращения: 12.11.2023).

9. О внесении изменения в статью 11 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 787700-7 (зарегистрирован в Государственной Думе РФ 3 сентября 2019 г., отклонен 27 октября 2020 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/787700-7> (дата обращения: 12.11.2023).
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: законопроект № 983620-7 (зарегистрирован в Государственной Думе 6 июля 2020 г., отклонен 8 июня 2021 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983620-7> (дата обращения: 12.11.2023).
11. Павленко О. Закон об ограничении «потребительского терроризма» против застройщиков при сдаче жилья готов к внесению в Госдуму // Коммерсант. 2023. 6 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028761> (дата обращения: 12.11.2023).
12. Заявление Объединения потребителей России о так называемом потребительском экстремизме (терроризме) // Объединение потребителей России. 2023. 26 июня. URL: <https://www.potrebitel-russia.ru/?id=1778> (дата обращения: 12.11.2023).
13. Джоробеков Ж. М., Джоробеков Т. М. Современные теоретические воззрения на понятие «экстремизм» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9. С. 218–221.
14. Ашенова С. В., Велитченко С. Н. СМИ и международный терроризм: коммуникационный аспект // Вестник Казахского национального университета. Серия журналистики. 2020. Т. 56. № 2. С. 102–113. DOI: 10.26577/HJ.2020.v56.i2.10
15. Качалов В. В. Терроризм как наиболее опасная форма экстремизма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 4. С. 66–69.
16. Решение Медведевского районного суда (Республика Марий Эл) от 7 августа 2019 г. по делу № 2-2-181/2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GSavnbmVEnWx/> (дата обращения: 01.12.2023).

References

1. Posnov I.V., Tembotov R.A. Consumer abuse of protection rights (consumer extremism). *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2022;(9):44-48. (In Russ.). DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-44-48
2. Usoltsev E.Yu. The concepts “consumer extremism” and “abuse of right by consumer”: Comparative analysis. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2021;(12):108-112. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-4098-2021-12-108-112
3. Butorina I.A., Perestyuk D.A. Consumer terrorism in Russia: Essence, causes and prospects. In: Polyakova N.V., ed. *Marketing and consumer behavior: Coll. pap.* Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law; 2011:35-38. (In Russ.).
4. The Russian Union of Builders discussed the causes and consequences of “consumer extremism”. *Samoregulirovanie*. Oct. 1, 2023. URL: <https://sroportal.ru/news/v-rss-obsudili-prichiny-i-sledstviya-potrebitelskogo-ekstremizma/> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
5. Velevich S. Consumer extremism in new buildings: How to find a balance of interests. RBC. Nov. 27, 2020. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5fc0bfd89a794726ecbf1b69?from=copy> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
6. Malakhov A.Yu., Vulman N.N. Consumer extremism in the automobile business and what is a significant disadvantage of the automobile. *Problemy ekspertizy v avtomobil'no-dorozhnoi otrasli = Automotive and Road Expert Evaluation*. 2023;(2):35-47. (In Russ.).
7. On amendments to the Law of the Russian Federation “On the protection of consumer rights” and the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 793716-6 (registered in the State Duma RF May 15, 2015, rejected January 18, 2017). System for supporting legislative activity. State Duma of the

- Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/793716-6> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
8. On amendments to Article 1 of the Law of the Russian Federation “On the protection of consumer rights”. Bill No. 612474-7 (registered in the State Duma of the Russian Federation on December 20, 2018, rejected on March 22, 2023). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612474-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 9. On amendments to Article 11 of the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 787700-7 (registered in the State Duma of the Russian Federation on September 3, 2019, rejected October 27, 2020). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/787700-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 10. On amendments to the Federal Law “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Bill No. 983620-7 (registered in the State Duma on July 6, 2020, rejected on June 8, 2021). System for supporting legislative activity. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/983620-7> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 11. Pavlenko O. The law on limiting “consumer terrorism” against developers when renting out housing is ready to be submitted to the State Duma. *Kommersant*. Jun. 06, 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6028761> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 12. Statement of the Association of Consumers of Russia on so-called consumer extremism (terrorism). Association of Consumers of Russia. Jun. 26, 2023. URL: <https://www.potrebitel-russia.ru/?id=1778> (accessed on 12.11.2023). (In Russ.).
 13. Jorobekov Zh.M., Dzhorobekov T.M. Modern theoretical views on the concept of “extremism”. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*. 2020;(9):218-221. (In Russ.).
 14. Ashenova S.V., Velitchenko S.N. Media and international terrorism: A communication aspect. *Herald of Journalism*. 2020;56(2):102-113. DOI: 10.26577/HJ.2020.v56.i2.10
 15. Kachalov V.V. Terrorism as the severest form of extremism. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Vestnik. Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2016; (4):66-69. (In Russ.).
 16. Decision of the Medvedevsky District Court (Republic of Mari El) dated August 7, 2019 in case No. 2-2-181/2019. *Konsul'tantPlyus*. <https://sudact.ru/regular/doc/GSavnbmVEnWx/> (accessed on 01.12.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

А. С. Морозов — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. S. Morozov — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 14.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.